

Eriks TRELS

Ministry of the Interior of Latvia, State Police, State Police College

Riga Stradins University, Faculty of Law

Police Law Department

Riga, Latvia

eriks.trels@gmail.com

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОПРАВДАНИЕ ТЕРРОРИЗМА, ПРОСЛАВЛЕНИЕ ТЕРРОРИЗМА И ПРИЗЫВЫ К ТЕРРОРИЗМУ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

АННОТАЦИЯ: Согласно части первой статьи 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма «публичное подстрекательство к совершению террористического преступления», означает распространение или иное представление какого-либо обращения к общественности в целях побуждения к совершению террористического преступления, когда такое поведение, независимо от того, пропагандирует оно или нет непосредственно террористические преступления, создает опасность совершения одного или нескольких таких преступлений.

26 апреля 2018 года были внесены изменения в Уголовный закон Латвийской Республики, которые усовершенствовали нормативное регулирование, предусматривая ответственность за оправдание терроризма, прославление терроризма и призывы к терроризму. Цель данной статьи – инициировать обсуждение возможных проблем, связанных с применением статьи 79.6 Уголовного закона. Автор предлагает свое видение проблематики применения нового нормативного регулирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: оправдание терроризма, прославление терроризма, призывы к терроризму, статья 79.⁶ Уголовного закона Латвийской Республики

LIABILITY FOR ACQUITTAL OF TERRORISM, GLORIFICATION OF TERRORISM AND INVITATION TO TERRORISM IN THE CRIMINAL LAW OF THE REPUBLIC OF LATVIA

ABSTRACT: According to the first part of Section 5 of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, “public provocation to commit a terrorist offence” means the distribution, or otherwise making available, of a message to the public, with the intent to incite the commission of a terrorist offence, where such conduct, whether or not directly advocating terrorist offences, causes a danger that one or more such offences may be committed.

On 26 April 2018, in Latvia, amendments were made to the Criminal Law, which improved the regulatory framework in relation to the terrorist offenses and related crimes, including the acquittal of terrorism, invitation to terrorism and terrorism threats. The article aims to initiate

a debate on potential problems related to the application of the Section 79.⁶ of the Criminal Law. The author offers his vision of the new regulatory framework application problems.

KEYWORDS: glorification of terrorism, acquittal of terrorism, invitation to terrorism, the Criminal Law Section 79.⁶

ODPOWIEDZIALNOŚĆ ZA USPRAWIEDLIWIANIE TERRORYZMU, WYCHWALANIE TERRORYZMU ORAZ NAWOŁYWANIE DO TERRORYZMU W USTAWIE KARNEJ REPUBLIKI ŁOTEWSKIEJ

ABSTRAKT: Zgodnie z ust. 1 art. 5 Konwencji Rady Europy o zapobieganiu terroryzmowi „publiczne nawoływanie do popełnienia przestępstwa o charakterze terrorystycznym” oznacza rozpowszechnianie lub innego rodzaju udostępnianie przekazu do publicznej wiadomości z intencją podżegania do popełnienia przestępstwa o charakterze terrorystycznym, jeżeli takie zachowanie, bezpośrednio lub pośrednio, stwarza niebezpieczeństwo popełnienia jednego lub więcej takich przestępstw.

26 kwietnia 2018 r. została uchwalona nowelizacja do ustawy karnej Republiki Łotewskiej, która udoskonaliła regulacje normatywne, przewidując odpowiedzialność za usprawiedliwianie terroryzmu, wychwalanie terroryzmu oraz nawoływanie do terroryzmu. Celem niniejszego artykułu jest zainicjowanie dyskusji nad możliwymi problemami, związanymi ze stosowaniem art. 79.6 Ustawy Karnej. Autor proponuje własny pogląd na problematykę stosowania nowych regulacji normatywnych.

SŁOWA KLUCZOWE: usprawiedliwianie terroryzmu, wychwalanie terroryzmu, nawoływanie do terroryzmu, artykuł 79.⁶ ustawy karnej Republiki Łotewskiej

ВВЕДЕНИЕ

26 апреля 2018 года Парламент (Сейм) Латвийской республики принял поправки к Уголовному закону Латвийской республики (далее – УЗ ЛР), дополнив его новой главой IX¹ «Преступления, которые связаны с терроризмом»¹. Входящая в данную главу статья 79.¹ дает определение понятию «терроризм», что, в рамках этой статьи, означает взрыв, поджог, применение ядерного, химического, биологического, бактериологического, токсического либо другого оружия массового поражения, похищение лиц, взятие заложников, захват воздушного, сухопутного либо водного транспортного средства или иные умышленные действия, направленные на устрашение населения, принуждение государства, его органов или международных организаций к выполнению каких-либо действий, либо к воздержанию от них, либо причинение вреда государству, его жителям или интересам международных организаций, а также уничтожение или повреждение физических объектов континентального шельфа, автоматизированных систем обработки данных, электролиний или иных объектов, деятельность которых направлена на обеспечение безопасности государства.

---

¹ Grozījumi Krimināllikumā. // Latvijas Vēstnesis Nr.90, 2018.

В свою очередь статья 79.⁶ «Оправдание терроризма, призывы к терроризму и угрозы терроризма» предусматривает ответственность за публичное прославление или оправдание терроризма, либо публичные призывы к терроризму, либо распространение материалов, содержащих прославление, оправдание либо призывы к терроризму, а также угрозы терроризма, если имеются основания предполагать, что данные угрозы могут быть исполнены. Беря во внимание то, что последний из упомянутых вопросов является достаточно объемным, автор проводит границы исследования, и указывает, что вопрос об угрозах терроризма в данной статье рассматриваться не будет.

Анализируя приоритетные направления работы Полиции безопасности (*Drošības policija*) ЛР в 2018 году, начальник этого учреждения Н. Межвиетс (*N. Mežviets*) отметил, что пропаганда терроризма и ограничения риска радикализации будут оставаться приоритетными в работе Полиции безопасности². В ежегодном отчете о работе Полиции безопасности указано, что в 2017 году Интернет продолжал оставаться важной платформой для террористических группировок, которые активно и агрессивно использовали его для распространения своих пропагандистских материалов. Отзываясь на опыт других стран, представители Полиции безопасности отметили необходимость проведения превентивных мероприятий. Одним из решений, которые, по мнению представителей Полиции безопасности, должны увеличить эффективность работы данной службы, предлагая новые уголовно-правовые инструменты для борьбы с пропагандой терроризма, являются вышеуказанные поправки к УЗ ЛР.

Цель данной статьи – инициировать обсуждение возможных проблем, связанных с применением статьи 79.⁶ Уголовного закона. Автор предлагает свое видение проблематики применения нового нормативного регулирования.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

16 мая 2005 года Совет Европы принял Конвенцию о предупреждении терроризма (далее – Конвенция). Согласно части первой статьи 5 Конвенции «публичное подстрекательство к совершению террористического преступления» означает распространение или иное представление какого-либо обращения к общественности в целях побуждения к совершению террористического преступления, когда такое поведение, независимо от того, пропагандирует оно или нет непосредственно террористические преступления, создает опасность совершения одного или нескольких таких преступлений³. 13 ноября 2008 года Конвенция была ратифицирована Латвией⁴.

² Drošības policija. Publiskais pārskats par Drošības policijas darbību 2017. gadā. Rīga, 2018, 6.lpp. // <http://www.dp.gov.lv/lv/?rt=documents&ac=download&id=32> (23.07.2018).

³ Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism. // Official Journal of the European Union L159/3, 2005.

12 января 2008 года вступили в силу изменения в УЗ ЛР, которые дополнили его принципиально новыми понятиями. Новая, 88.² статья УЗ ЛР «Призывы к терроризму и угрозы терроризма» предусматривала ответственность за публичные призывы к терроризму, либо угрозы терроризма, если имелись основания предполагать, что данные угрозы могли быть исполнены⁵.

Следующие изменения в УЗ ЛР произошли 13 декабря 2012 года и внесли дополнения в санкцию статьи 88.², дополнив ее новым дополнительным видом наказания – надзором органов пробации – сроком до трех лет, либо без него⁶.

По данным Информационного центра Министерства Внутренних дел ЛР в период с 12 января 2007 года, когда были приняты изменения в УЗ ЛР, впервые предусматривающие ответственность за призывы к терроризму и угрозы терроризма, и до 23 мая 2018 года, когда УЗ ЛР был пополнен главой IX¹ «Преступления, которые связаны с терроризмом», статья 88.² УЗ ЛР на практике применялась 6 раз, в том числе в 2011 году – 1, 2012 – 1, 2014 – 2, 2015. – 1, 2016. – 1⁷.

22 октября 2015 года представители стран-участниц Конвенции подписали Дополнительный протокол к Конвенции, который обязывает страны-участницы принять изменения в нормативных актах, предусматривающие уголовную ответственность за ряд деяний, которые не были криминализованы ранее, в том числе за умышленное участие в террористической группе, обучение терроризму, поездки в целях терроризма и финансирование или организацию таких поездок⁸. Представители Латвийской стороны подписали данный протокол 22 октября 2015 года. Протокол был ратифицирован 11 мая 2017 года⁹.

Директива (EU) 2017/541 Европейского Парламента и Совета от 15 марта 2017 года о противодействии терроризму, заменяющая Рамочное решение Совета 2002/475/JHA и вносящее изменения и дополнения в Решение Совета 2005/671/ТИ (далее – Директива)¹⁰, обязала страны-участницы принять изменения в нормативных актах до 30 сентября 2018 года.

Вышеуказанные международные обязательства послужили поводом для включения изменений в УЗ ЛР. В начальной редакции законопроекта Nr.984/Lp12 «О внесении изменений в Уголовный закон» (далее – Законопроект), статьей 79.⁶ была также

⁴ Par Eiropas Padomes Konvenciju par terorisma novēršanu. // Latvijas Vēstnesis Nr.185, 2008.

⁵ Grozījumi Krimināllikumā. // Latvijas Vēstnesis Nr.208, 2007.

⁶ Grozījumi Krimināllikumā. // Latvijas Vēstnesis Nr.202, 2012.

⁷ Latvijas Republikas Iekšlietu ministrijas Informācijas Centrs. Kriminālā statistika. 2018, <http://www.ic.iem.gov.lv/node/109> (23.07.2018).

⁸ Additional Protocol to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism., Official Journal of the European Union L159/17, 2015.

⁹ Par Papildu protokolu Eiropas Padomes Konvencijai par terorisma novēršanu. // Latvijas Vēstnesis Nr.104, 2017.

¹⁰ Directive (EU) 2017/541 of the European Parliament and of the Council of 15 March 2017 on combating terrorism and replacing Council Framework Decision 2002/475/JHA and amending Council Decision 2005/671/JHA. // Official Journal of the European Union L88/6, 2017.

предусмотрена ответственность за публичное отрицание реализованного террористического акта¹¹. Рассматривая Законопроект в первом чтении на заседании Юридической комиссии 12-ого Сейма ЛР, участник комиссии, представитель Бюро омбудсмена Ю. Сильченко (*J. Siļčenko*) обратился к представительнице Министерства юстиции И. Глатковской (*I. Gratkovska*) с просьбой разъяснить содержание понятия «отрицание терроризма». В ответ на данную просьбу, И. Глатковская пояснила, что понятие «отрицание терроризма» используется в Законопроекте по аналогии с уже включенным в статью 74.¹ УЗ ЛР понятием «отрицание геноцида»¹². В рамках статьи 74.¹ УЗ ЛР понятие «отрицание» означает, что лицо категорически не признает данные преступления, утверждая, что они либо не произошли вовсе, либо, что происшедшее не является международным преступлением, либо, что случившееся не является противозаконным или наказуемым деянием¹³.

Рассматривая Законопроект во втором чтении на заседании Юридической комиссии 12-ого Сейма ЛР, участниками комиссии были одобрены предложения министра юстиции Д. Раснача (*Dz. Rasnačs*) и депутата Сейма Г. Кутриса (*G. Kūtris*) об исключении из статьи 79.⁶ Законопроекта понятия «отрицание терроризма», было решено также оставить содержание данной статьи в редакции, которая позже была внесена в УЗ ЛР.¹⁴ Рассматривая Законопроект в третьем чтении на заседании Юридической комиссии 12-ого Сейма ЛР 13 февраля 2018 года предложения относительно статьи 79.⁶ УЗ ЛР не были высказаны¹⁵. Как было отмечено ранее, 26 апреля 2018 года Сейм ЛР принял вышеуказанные поправки к УЗ ЛР, которые вступили в силу 23 мая 2018 года.

АНАЛИЗ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРИСТУПНОГО ДЕЯНИЯ

Предусмотренное статьей 79.⁶ УЗ ЛР преступное деяние квалифицируется как тяжкое преступление. Объект преступного деяния – это защищенные УЗ ЛР интересы государства, общества, коллективов людей и отдельных индивидов, которым угрожает преступное деяние, нанеся им ущерб, либо угрожая его нанести¹⁶. Обычно в уголовном праве выделяют общий, групповой и непосредственный объект преступного деяния.

¹¹ Grozījumi Krimināllikumā. Likumprojekts Nr.984/Lp12. // <http://titania.saeima.lv/LIVS12/SaeimaLIVS12.nsf/0/053367BCC6CD02DBC225815D002BA388?OpenDocument#b> (23.07.2018).

¹² Latvijas Republikas 12. Saeimas Juridiskās komisijas 2017.gada 6.septembra sēdes protokols Nr.234. // [http://titania.saeima.lv/livs/saeimasnotikumi.nsf/0/6c6d026c34154258c22581870031689f/\\$FILE/PR_2017_09_06_10_00_JK.doc](http://titania.saeima.lv/livs/saeimasnotikumi.nsf/0/6c6d026c34154258c22581870031689f/$FILE/PR_2017_09_06_10_00_JK.doc) (23.07.2018).

¹³ U. Krastiņš, V. Liholaja, *Krimināllikuma komentāri. Otrā daļa (IX-XVII nodaļa)*. Rīga 2016, 33.lpp.

¹⁴ Latvijas Republikas 12. Saeimas Juridiskās komisijas 2017.gada 8.novembra sēdes protokols Nr.252. // [http://titania.saeima.lv/livs/saeimasnotikumi.nsf/0/8c6140349414129ac22581cc0035a494/\\$FILE/PR_2017_11_08_10_00_JK.doc](http://titania.saeima.lv/livs/saeimasnotikumi.nsf/0/8c6140349414129ac22581cc0035a494/$FILE/PR_2017_11_08_10_00_JK.doc) (23.07.2018).

¹⁵ Latvijas Republikas 12. Saeimas Juridiskās komisijas 2018.gada 13.februāra sēdes protokols Nr.273. // [http://titania.saeima.lv/livs/saeimasnotikumi.nsf/0/38320cfcf797cf9dc225822e003380da/\\$FILE/PR_2018_02_13_10_00_JK.doc](http://titania.saeima.lv/livs/saeimasnotikumi.nsf/0/38320cfcf797cf9dc225822e003380da/$FILE/PR_2018_02_13_10_00_JK.doc) (23.07.2018).

¹⁶ U. Krastiņš, V. Liholaja, A. Niedre, *Krimināllikuma zinātniski praktiskais komentārs. 1. Vispārīgā daļa*. Rīga 2007, 31.lpp.

Общий объект – это совокупность всех охраняемых уголовным законом интересов. Объектом группы преступных деяний являются одинаковые, либо однородные, связанные между собой интересы, которые охватывают всю группу преступных деяний. В свою очередь, непосредственный объект – это конкретные интересы, в отношении которых совершается преступное деяние¹⁷.

Один из видных латвийских ученых, специализирующихся в уголовном праве, профессор У. Крастиньш, комментируя объект преступного деяния, предусмотренного статьей 88 УЗ ЛР, в редакции до 23 мая 2018 года, указывает, что терроризм угрожает экономической системе ЛР, государственной и международной безопасности, а также жизни и здоровью человека, имущественным интересам, нормальной работе производств, органов и организаций, всеобщей безопасности и общественному порядку¹⁸. Данное заключение совпадает с мнением ряда ученых из других стран. Так, например, российский ученый В. О. Давыдов, отмечая транснациональный характер данной преступной деятельности, указывает, что эти преступления посягают на «жизнь и здоровье граждан, общественную безопасность и общественный порядок, основы конституционного строя и безопасность государства»¹⁹ и другие, охраняемые уголовным законом, группы общественных отношений.

Первично связанные с терроризмом преступные деяния были включены в главу Х «Преступления против государства» УЗ ЛР. Разъясняя объективные признаки терроризма в аннотации Законопроекта было указано, что в данную главу УЗ ЛР были включены противозаконные деяния, направленные на нанесение существенного ущерба государственным интересам ЛР и объединенные общим групповым объектом – безопасностью и независимостью Латвийского государства²⁰.

Далее в аннотации Законопроекта указано, что терроризму присущ двойственный характер, в одном случае террорист либо группа террористов могут бороться за «освобождение» или другие действия по отношению к конкретному государству, в другом – борьба может выходить за пределы конкретного государства и быть направленной на устрашение всего мирового сообщества. Это дает основание сделать вывод, что на современном этапе своего развития, терроризм выходит за пределы границ одного конкретного государства и распространяет свое негативное влияние на все мировое сообщество в целом, а не только на конкретное государство, общество или международную организацию. С целью объединения данных объектов в одну группу, авторы Законопроекта предложили связанные с терроризмом преступные деяния также объединить в одну отдельную главу УЗ ЛР. По их мнению, это необходимо для того,

¹⁷ U. Krastiņš, *Noziedzīgs nodarījums*. Rīga 2000, 37.-39.lpp.

¹⁸ U. Krastiņš, V. Liholaja, *Krimināllikuma komentāri. Otrā daļa (IX-XVII nodaļa)*. Rīga, 2016, 71.lpp.

¹⁹ В.О. Давыдов, *Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера*. Москва, 2018, с. 23-24.

²⁰ Grozījumi Krimināllikumā. Likumprojekts Nr.984/Lp12. // <http://titania.saeima.lv/LIVS12/SaeimaLIVS12.nsf/0/053367BCC6CD02DBC225815D002BA388?OpenDocument#b> (23.07.2018).

чтобы подчеркнуть, что действия лица, связанные с любым из проявлений терроризма, угрожают не только интересам конкретного государства, но и всему миру и международной безопасности.

Российский ученый В.О. Давыдов дает следующее определение понятию «международная безопасность»: «состояние защищенности отношений между государствами, исключающее нарушение всеобщего мира или создание угрозы безопасности народов, в какой бы то ни было форме»²¹. Терроризм, по мнению другого российского ученого, М.В. Андреева, «как явление глобального характера, признано считать ключевой проблемой современной безопасности»²².

Объективная сторона преступного деяния – это внешнее проявление поведения лица (действие либо бездействие), которое наносит или может нанести вред законным правам и интересам других лиц²³. Профессор У. Крастиньш, разъясняя содержание термина «действие» в уголовном праве, указывает, что действие – это всегда активное и противозаконное поведение лица, носящее осознанный характер и направленное на объект преступного деяния, нанося вред или угрожая нанести таковой, защищенным Уголовным законом, интересам других лиц²⁴.

В рассматриваемой аннотации Законопроекта разъяснялось также, что объективная сторона преступного деяния, предусмотренного статьей 79.⁶ УЗ ЛР, включает в себя распространение лицом информации, направленной на положительную оценку и прославление действий, методов и способов в применении актов терроризма²⁵. Объективная сторона данного преступного деяния может выражаться и в публичном оправдании происшедшего акта терроризма, т.е. в признании его правильным, необходимым и допустимым. В то же самое время, указанные действия должны произойти публично, т.е. лицо делает это открыто, в присутствии других лиц, и в таком виде, чтобы данные лица могли иметь возможность получить данную информацию или ознакомиться с ней.

Предусмотренное статьей 79.⁶ УЗ ЛР преступное деяние с объективной стороны включает в себя ряд альтернативных действий: (1) публичное прославление терроризма; (2) публичное оправдание терроризма; (3) публичные призывы к терроризму, т.е. призывы к одному или к нескольким из деяний, ответственность за которые предусмотрена статьей 79.¹ УЗ ЛР; (4) распространение материалов, содержащих прославление терроризма; (5) распространение материалов, содержащих оправдание терроризма; (6) распространение

²¹ В.О. Давыдов, *op. cit.*, с. 384.

²² М.В. Андреев, *Международный терроризм и международная безопасность нового качества*. // Закон и право №8, 2008, с. 7.

²³ U. Krastiņš, V. Liholaja, A. Niedre, *Krimināllikuma zinātniski praktiskais komentārs. 1. Vispārīgā daļa*. Rīga 2007, 31.lpp.

²⁴ U. Krastiņš, *Noziedzīgs nodarījums*, Rīga 2000, 50.lpp.

²⁵ Grozījumi Krimināllikumā. Likumprojekts Nr.984/Lp12. // <http://titania.saeima.lv/LIVS12/SaeimaLIVS12.nsf/0/053367BCC6CD02DBC225815D002BA388?OpenDocument#b> (23.07.2018).

материалов, содержащих призывы к терроризму; а также (7) угрозы терроризма, если имеются основания предполагать, что данные угрозы могут быть исполнены.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ТЕРРОРИЗМА И ОПРАВДАНИЕ ТЕРРОРИЗМА, КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРОПАГАНДЫ ТЕРРОРИЗМА

8 ноября 2017 года, рассматривая Законопроект во втором чтении на заседании Юридической комиссии 12-ого Сейма ЛР, участник комиссии, представитель Полиции безопасности И. Ульманис (*I. Ulmanis*) совершенно обоснованно указал, что прославление терроризма и оправдание терроризма являются составляющими пропаганды терроризма²⁶.

Известный русский ученый В.И. Даль в одном из наиболее известных своих трудов «Толковый словарь живого великорусского языка» дает следующее определение слову «пропаганда»: «распространение какого-либо толка, учения; старание об этом, самое общество, пропагандисты»²⁷. В более современных словарях значение слова «пропаганда» трактуется как «распространение в обществе и разъяснение каких-нибудь воззрений, идей, знаний, учения»²⁸. Данное понятие имеет похожее разъяснение и в «Словаре латышского литературного языка», который в дополнение к сказанному, отмечает, что целью пропаганды является привлечение приверженцев путем убеждения в правоте данных идей²⁹.

Разъясняя понятие «прославление» в рамках статьи 74.¹ «Отрицание геноцида, преступления против человечества, преступления против мира и военного преступления» УЗ ЛР, профессор В. Лихолая (*V. Liholaja*) указывает, что прославление данных преступлений означает распространение такой информации, которая содержит в себе высокую оценку, восхваление действий и положительное отношение со стороны лица, как в отношении уже совершенных преступлений, факт совершения которых уже подтвержден, так и в отношении действий, методов и способов, объективно отвечающих каким-либо из упомянутых в статье международных преступлений, как таковым³⁰. В свою очередь термин «оправдание» в отношении указанных преступлений означает, что они со стороны лиц, комментирующих данные преступления, признаются правильными, необходимыми, вызванными обстоятельствами, либо как минимум допустимыми

²⁶ Latvijas Republikas 12. Saeimas Juridiskās komisijas 2017.gada 8.novembra sēdes protokols Nr.252. // [http://titania.saeima.lv/livs/saeimasnotikumi.nsf/0/8c6140349414129ac22581cc0035a494/\\$FILE/PR_2017_11_08_10_00_JK.doc](http://titania.saeima.lv/livs/saeimasnotikumi.nsf/0/8c6140349414129ac22581cc0035a494/$FILE/PR_2017_11_08_10_00_JK.doc) (23.07.2018).

²⁷ В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*. Том третий. П-Р. Санкт-Петербург, Москва 1911, с. 1309.

²⁸ С.И. Ожегов, *Толковый словарь русского языка*. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. / Москва 1990, с. 614.

²⁹ *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. 6. sējums, 2. daļa. P – R. Rīga, 1987.

³⁰ U. Krastiņš, V. Liholaja, *Krimināllikuma komentāri. Otrā daļa (IX-XVII nodaļa)*. Rīga 2016, 33.lpp.

действиями, опираясь на информацию, которая не отвечает действительности, манипулируя фактами, и т.д.³¹

Российский ученый В.О. Давыдов, ссылаясь на проведенное им эмпирическое исследование, выделяет три риторические модели оправдания необходимости использования насилия со стороны террористов. Первая выражается в заявлениях террористов о том, что у них не было «никакого выбора, кроме как обратиться к насилию, которое является потребностью, навязанной слабому в качестве единственного средства для ответа на репрессии со стороны федеральных властей, правоохранительных органов и специальных служб»³². Вторая модель связана с демонизацией и делегитимизацией указанных органов и служб, и одновременное представление террористов борцами за свободу, которые используют насилие «против их желания», как ответ на ущемление прав и национального (религиозного) достоинства людей со стороны властей. И третья модель – утверждения, что действия террористов носили ненасильственный характер.

Действия, предусмотренные статьей 79.⁶ УЗ ЛР, выражаются как в устной, так и в письменной форме. Данная информация может быть распространена с использованием аудио- и видеоматериалов, фотографий, рисунков, атрибутов и символов. Судебная практика свидетельствует, что чаще всего данная информация распространяется посредством Интернета. Использование Интернета как основного плацдарма распространения террористической пропаганды, характерно как странам Европейского союза, так и за его пределами. Так, по оценкам различных источников, в Российской Федерации (далее – РФ) для совершения данного вида преступлений Интернет использовался от 79,1%³³ до 92% случаев³⁴. По мнению российского ученого В.О. Давыдова, популярность использования Интернета в среде террористов связана с рядом особенностей: «легкость доступа; слабая цензура, а в ряде случаев – ее полное отсутствие; масштабность потенциальной аудитории пользователей в различных географических регионах мирового сообщества; анонимность использования сервисов и ресурсов сети Интернет; быстрота распространения информации; относительная дешевизна сетевого трафика»³⁵.

Автор данной статьи согласен с мнением профессора Т.В. Пинкевича и Е.Е. Черных, которые отметили, что отличительными чертами терроризма являются публичность, гласность и пропагандистский характер³⁶. Чем более высокий общественный резонанс вызывает террористический акт, тем сильнее его воздействие на жителей в упомянутых

³¹ *Ibidem*, s 33-34.

³² В.О. Давыдов, *op. cit.*, с. 81.

³³ *Ibidem*, s 60.

³⁴ С.В. Иванцов, Г.И. Узембаева, *Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовые и криминологические аспекты*. Москва 2018, с. 92.

³⁵ В.О. Давыдов, *op. cit.*, с. 80.

³⁶ Т.В. Пинкевич, Е.Е. Черных, *Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: проблемы квалификации*. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД РФ №3, 2014, с. 141.

статьей 79.¹ УЗ ЛР целях: для устрашения населения, принуждения государства, его органов или международных организаций к выполнению каких-либо действий, либо к воздержанию от них, либо для причинения вреда государству, его жителям или интересам международных организаций³⁷. Российские ученые Т.В. Пинкевич и Е.Е. Черных делают обоснованный вывод, что психологическое воздействие на людей является конечной целью терроризма, а не побочным эффектом этого противоправного деяния.

Судья Конституционного суда Латвийской республики А. Кучс (*A. Kučs*), ссылаясь на практику Комитета по ликвидации расовой дискриминации ООН, указывает, что для констатации объективной стороны преступного деяния необходима хотя бы минимальная степень публичности, и делает вывод, что произнесенные в разговоре между двумя лицами высказывания не являются публичными³⁸. Российский ученый З. А. Шибзухов также указывает, что призывы всегда направлены на передачу информации общественности, «то есть в передаче информации неопределенному и, как правило, широкому кругу лиц»³⁹.

Несмотря на то, что подавляющее большинство ученых (из упомянутых в тексте данной статьи, это А. Кучс, С. Иванцов, Г. Узембаева, А. Тарбагаев, Г. Москалев, Т. Пинкевич, Е. Черных, З. Шибзухов, и др.) отстаивают позицию, что для того, чтобы преступное деяние было признано совершенным публично, необходимо наличие не менее двух слушателей. Есть и другие примеры. Так, профессор А.Н. Тарбагаев и Г.Л. Москалев, ссылаясь на апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27 марта 2014 года, описывают случай, когда суд назначил наказание в виде лишения свободы сроком на два года лицу за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма. Отличительной чертой данного дела было то, что адресатами этих призывов были двое лиц, с которыми обвиняемый общался порознь, в разное время и в разном месте. Профессор А.Н. Тарбагаев и Г.Л. Москалев допускают возможность, что вывод о публичности суд «установил из совокупности имевшихся разговоров, поскольку адресатом призыва в рамках каждого из них был только один человек, а следовательно, если рассматривать их отдельно, публичными они не были»⁴⁰. Данный факт не повлиял на решение Верховного Суда РФ, который оставил без изменений приговор Верховного Суда Чеченской республики от 27 января 2014 года и отклонил апелляционную жалобу. По мнению автора данной статьи, в рассматриваемом случае нет состава преступного деяния, а именно объективной его стороны, которая предусматривает публичность, как обязательный элемент. В то же самое время, исходя из материалов

³⁷ Krimināllikuma 79.¹ pants. // *Latvijas Vēstnesis* Nr.199/200, 1998.

³⁸ A. Kučs, *Tiesu prakse krimināllietās par nacionālā, etniskā un rasu naida izraisīšanu*. Rīga, 2012, 31.lpp.

³⁹ З. А. Шибзухов, *Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма*. Москва, 2014, с. 18-19.

⁴⁰ А.Н. Тарбагаев, Г.Л. Москалев, *Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации*. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право №2, 2016, с. 33.

данного дела, автор делает вывод, что в данном случае усматривается состав другого преступного деяния – склонение (вербовка или иное вовлечение) лица к совершению террористического акта.

Публичность является обязательным элементом объективной стороны преступного деяния в случаях распространения призывов к осуществлению терроризма.

ПРИЗЫВЫ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТЕРРОРИЗМА

Российские ученые, профессор А. Н. Тарбагаев и Г. Л. Москалев, объясняют понятие «призывы» как «обращение, воздействующее на сознание и волю людей в целях возбуждения у них желания вести себя определенным образом, в данном случае – осуществлять террористическую деятельность»⁴¹. Латвийский ученый, профессор У. Крастиньш, отмечает, что призывы к осуществлению терроризма направлены на неопределенный круг лиц⁴². Данную позицию поддерживают многие ученые (например, А. Тарбагаев, Г. Москалев, Т. Пинкевич, Е. Черных и др.). Есть и противоположное мнение, которого придерживается, например, российский ученый В. П. Алехин, говоря, что «подстрекательство к террористической деятельности всегда конкретно, нельзя склонить к совершению террористического преступления «вообще», без указания реального объекта террористического посягательства, а также способов совершения (взрыв, поджог, вооруженное нападение, распространение ядовитых веществ) и конкретных целей»⁴³.

В то же самое время, российские ученые А.Н. Тарбагаев и Г.Л. Москалев указывают, что, по их мнению, определяющим признаком публичности является адресация обращений к неопределенному кругу лиц, т.е. «не к конкретным субъектам. Индивидуальные характеристики адресатов его не интересуют. [...] При этом речь здесь должна идти не столько о количественной, сколько о персональной неопределенности адресатов. При обращении к группе людей в общественных местах, на собраниях, а равно при распространении обращения путем массовой рассылки электронных сообщений количество адресатов зачастую может быть точно установлено. Однако индивидуальные характеристики этих людей будут безразличны для виновного, что и обуславливает выбор им соответствующего способа распространения информации»⁴⁴. Одновременно, дополняя сказанное, автор статьи отмечает, что, рассматривая понятие «индивидуальные характеристики лица», следует не исключать принадлежность данного лица к определенной национальной, религиозной или социальной группе. Данные признаки могут иметь весомое значение.

⁴¹ *Ibidem*, s 30.

⁴² U. Krastiņš, V. Liholaja, *Krimināllikuma komentāri. Otrā daļa (IX-XVII nodaļa)*. Rīga, 2016, 76.lpp.

⁴³ В.П. Алехин, *Соучастие в террористической деятельности*. Москва, 2009, с. 109.

⁴⁴ А.Н. Тарбагаев, Г.Л. Москалев, *Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации*. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право №2, 2016, с. 33.

В противовес приведенному выше мнению российских ученых А.Н. Тарбагаева и Г.Л. Москалева, автор данной статьи подчеркивает, что у распространителя призывов к осуществлению терроризма есть своя целевая аудитория. Так, например, призывы поддержать Исламское государство были направлены в отношении мусульман всего мира и предполагаемых конвертитов.

Необходимо отметить, что чаще всего призывы выражаются в глаголах повелительного наклонения. Профессора А.Н. Тарбагаев и Г.Л. Москалев более категоричны: они считают, что «призывы должны выражаться в глаголах повелительного наклонения»⁴⁵. Автор статьи не согласен с такой трактовкой, и ссылаясь на другие проведенные в данной области исследования, приходит к выводу, что зачастую призывы к противоправным действиям осуществляются в завуалированной форме, используя глаголы сослагательного наклонения⁴⁶, используя неопределенные выражения: «хотелось бы», «было бы неплохо» и другие⁴⁷, используя риторические вопросы (не требующие ответов) или используя средства художественного выражения (аллегии, метафоры, сравнения, символы и другие)⁴⁸.

Профессор У. Крастиньш делает обоснованный вывод, что преступление считается оконченным вне зависимости от того, был ли совершен террористический акт, или нет⁴⁹. Это означает, что преступление, предусмотренное статьей 79.⁶ УЗ ЛР, имеет формальный состав.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Выражающееся в распространении призывающих к терроризму материалов преступное деяние считается оконченным в момент начала распространения. Случаи, когда материалы, содержащие призывы к терроризму, подготовлены, но не распространены, необходимо рассматривать, как приготовление к преступлению (часть вторая статьи 15 УЗ ЛР). Российские ученые С.В. Иванцов и Г.И. Узембаева называют несколько примеров, когда данные преступления следует считать оконченными в отношении средств массовой информации. По их мнению, наступает это «с момента распространения продукции средств массовой информации (например, продажа, раздача периодического печатного издания, аудио- или видеозаписи программы,

⁴⁵ *Ibidem*, s 30.

⁴⁶ З.А. Шибзухов, *Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма*, Москва 2014, с. 69-72.

⁴⁷ А.С. Шуйский, *Ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-исправительного права: сборник научных статей. / Под ред. Э. Н. Жевлакова. / Москва 2010, с. 68-69.*

⁴⁸ Ē. Treļš, *Teksta juridiskās ekspertīzes īpašības lietās par naida izraisīšanu. // Socrates Nr.1, 2016, 49.lpp*

⁴⁹ U. Krastiņš, V. Liholaja, *Krimināllikuma komentāri. Otrā daļa (IX-XVII nodaļa)*. Rīga, 2016, 77.lpp.

начало вещания теле- или радиопрограммы, демонстрация кинохроникальной программы, предоставление доступа к сетевому изданию)»⁵⁰.

Судья Конституционного суда Латвийской республики А. Кучс указывает, что лицу необязательно быть автором распространяемых материалов, объективная сторона преступного деяния может выражаться и в распространении материалов, автором которых является другое лицо⁵¹.

В среде российских ученых существуют разногласия по поводу роли лиц, вовлеченных в распространения материалов, направленных на публичное оправдание терроризма, пропаганду терроризма или призывающих к осуществлению террористической деятельности. Российские ученые А.Н. Тарбагаев и Г.Л. Москалев предлагают признавать исполнителем рассматриваемого преступного деяния только распространителя призыва⁵². Они указывают, что данная проблема может привести к сложностям при квалификации в случаях, когда автор информации, содержащей призыв, и ее распространитель являются разными лицами. Одни авторы (П.В. Агапов, З.А. Шибзухов) предлагают в таком случае признавать этих лиц соисполнителями преступления⁵³, другие исследователи (А.Н. Тарбагаев, Г.Л. Москалев) рассматривают в качестве исполнителя лишь лицо, распространившее информацию, а ее автора предлагают признавать пособником. Аргументируя свою позицию, З.А. Шибзухов указывает, что создание текста, содержащего террористическую пропаганду, является первым этапом объективной стороны рассматриваемого преступления, а распространение – вторым⁵⁴.

Автор статьи полагает, что затруднения в работе следователя могут вызвать случаи, когда участие в исполнении преступного деяния принимают несколько лиц. В данных случаях особую сложность вызывает доказывание субъективной стороны преступного деяния. Субъективная сторона преступного деяния – это внутреннее отношение лица к объективно происходящему во внешнем мире⁵⁵. В теории уголовного права выделяют следующие признаки субъективной стороны преступного деяния: вина в форме умысла или неосторожности, мотив и цель. Согласно части первой статьи 8 УЗ ЛР, виновным в преступном деянии признается только лицо, совершившее его умышленно (преднамеренно) или по неосторожности. Следователю в процессе расследования необходимо выяснить форму вины лица, совершившего преступное деяние, что, в свою

⁵⁰ С.В. Иванцов, Г.И. Узембаева, *Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовые и криминологические аспекты*, Москва 2018, с. 38.

⁵¹ A. Kučs, *Tiesu prakse krimināllietās par nacionālā, etniskā un rasu naida izraisīšanu*, Rīga 2012, 31.lpp.

⁵² А.Н. Тарбагаев, Г.Л. Москалев, *Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации*. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право №2, 2016, с. 28.

⁵³ П.В. Агапов, *Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации*. // Уголовное право № 1, 2007, с. 6.

⁵⁴ З.А. Шибзухов, *Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма, совершенных в соучастии*. // Общество и право № 2, 2011, с. 184–187.

⁵⁵ U. Krastiņš, *Noziedzīgs nodarījums*, Rīga 2000, 88.lpp.

очередь, подразумевает констатацию психического отношения лица к объективным признакам преступного деяния. Это означает, что в рассматриваемом случае следователь должен доказать, что автор информации осознавал, что данная информация будет распространена публично, а распространитель осознавал, что распространяемый им материал содержал информацию, направленную на противозаконные действия.

Профессор У. Крастиныш указывает, что мотив и цель влияет на появление умысла, его направленности к осуществлению цели преступного деяния⁵⁶. Мотив преступного деяния – это внутреннее побуждение, тяготение, стремление, направляющее волю лица к совершению преступного деяния. В свою очередь, цель преступного деяния – это результат, которого лицо надеется достичь, совершая преступное деяние. Мотив деяния, предусмотренного статьей 79.⁶ УЗ ЛР, заключается в желании побудить представителей общественности исполнить террористический акт и (либо) другие, предусмотренные статьей 79.¹ УЗ ЛР, действия. Как справедливо отметил российский ученый профессор Ю. Е. Пудовочкин, именно «целенаправленность позволяет отличить призывы от выражения личного мнения по государственным, политическим, национальным вопросам в семейных и дружеских беседах»⁵⁷.

Основываясь на проведенном анализе, представители Полиции безопасности, приходят к выводу, что Интернет является важной платформой для террористов, которую они активно и агрессивно используют, распространяя свои пропагандистские материалы⁵⁸. Сотрудники Полиции безопасности прогнозируют, что в обозримом будущем ситуация с безопасностью в Европе ощутимо не улучшится. Более того, тенденции развития данной проблемы говорят об обратном, и скорее всего, по прогнозам представителей Полиции безопасности, риски радикализации лиц, путем распространения в сети Интернет материалов террористического характера, в будущем возрастут. Ссылаясь на опыт других стран и проведенный анализ, представители Полиции безопасности делают также вывод, что распространяемая террористами информация является источником повышенной угрозы. Сказанное дает основание автору данной статьи сделать вывод, что и в дальнейшем не потеряют свою актуальность преступные деяния, связанные с публичным прославлением или оправданием терроризма, публичными призывами к терроризму, а также с распространением материалов, содержащих прославление, оправдание и призывы к терроризму.

⁵⁶ *Ibidem*, s 108-109.

⁵⁷ Ю. Е. Пудовочкин, *Преступления против безопасности государства*, Москва 2009, с. 75.

⁵⁸ Drošības policija. Publiskais pārskats par Drošības policijas darbību 2017. gadā. Rīga 2018, 30.-31.lpp. // <http://www.dp.gov.lv/lv/?rt=documents&ac=download&id=32> (23.07.2018).

Выводы

1. Главный объект группы преступных деяний, объединенных главой IX¹ УЗ ЛР «Преступления, которые связаны с терроризмом» – это государственная и международная безопасность. Терроризм также угрожает жизни и здоровью человека, имущественным интересам, нормальной работе производств, органов и организаций, всеобщей безопасности и общественному порядку, и другим интересам.

2. Предусмотренное статьей 79.⁶ УЗ ЛР преступное деяние с объективной стороны включает в себя ряд альтернативных действий: (1) публичное прославление терроризма; (2) публичное оправдание терроризма; (3) публичные призывы к терроризму, т.е. призывы к одному или к нескольким из деяний, ответственность за которые предусмотрена статьей 79.¹ УЗ ЛР; (4) распространение материалов, содержащих прославление терроризма; (5) распространение материалов, содержащих оправдание терроризма; (6) распространение материалов, содержащих призывы к терроризму; а также (7) угрозы терроризма, если имеются основания предполагать, что данные угрозы могут быть исполнены.

3. Для констатации объективной стороны преступного деяния в случаях публичного прославления терроризма, публичного оправдания терроризма и публичных призывов к терроризму одним из обязательных признаков является публичность. Для признания того, что преступное деяние было совершено публично, необходимо наличие слушателей, в количестве не менее двух лиц. Произнесенные в индивидуальном разговоре высказывания не являются публичными.

4. Субъект преступного деяния, предусмотренного статьей 79.⁶ УЗ ЛР, общий – физическое лицо, достигнувшее четырнадцатилетнего возраста (статья 11 УЗ ЛР) и являющиеся вменяемым (статья 13 УЗ ЛР).

5. Субъективная сторона преступного деяния, предусмотренного статьей 79.⁶ УЗ ЛР, выражается в форме прямого умысла. Лицо осознавало преступный характер своих действий и то, что данное деяние наносит вред, и желало высказать призывы к терроризму, информацию, содержащую публичное прославление или оправдание терроризма, либо желало распространить материалы, содержащие прославление, оправдание либо призывы к терроризму. Мотив деяния, предусмотренного статьей 79.⁶ УЗ ЛР, заключается в желании побудить представителей общественности исполнить террористический акт и (либо) другие, предусмотренные статьей 79.¹ УЗ ЛР, действия.

6. Преступление, предусмотренное статьей 79.⁶ УЗ ЛР, имеет формальный состав.

7. Действия, указанные статьей 79.⁶ УЗ ЛР, выражаются как в устной, так в письменной форме. Данная информация может быть распространена с использованием аудио- и видеоматериалов, фотографий, рисунков, атрибутов и символов.

8. Публичные призывы к терроризму выражаются как в глаголах повелительного наклонения, так и в глаголах сослагательного наклонения. Зачастую призывы

к противоправным действиям осуществляются в завуалированной форме, используя неопределенные выражения: «хотелось бы», «было бы неплохо» и другие, а также используя аллегории, метафоры, сравнения, символы и другие средства художественного выражения.

9. Главным источником распространения террористической пропаганды является Интернет.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапов Павел Валерьевич. 2007. «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации». // Уголовное право № 1: 4-6. [Agapov Pavel Valeryevich. 2007. "Publichniye prizivi k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti ili publichnoye opravdaniye terrorizma: analiz zakonodatel'noy novacii". // Ugolovnoye pravo № 1: 4-6].
- Алехин Виталий Петрович. 2009. Соучастие в террористической деятельности. Москва: Юрлитинформ. [Alehin Vitaliy Petrovich. 2009. Souchastiye v terroristicheskoy deyatel'nosti. Moskva: Jurlitinform].
- Андреев Максим Валентинович. 2008. «Международный терроризм и международная безопасность нового качества». // Закон и право №8: 7-9. [Andreyev Maksim Valentinovich. 2008. "Mezdunarodniy terrorism i mezdunarodnaya bezopasnost novogo kachestva". Zakon i pravo № 8: 7-9].
- Давыдов Владимир Олегович. 2018. Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера. Москва: Юрлитинформ. [Davidov Vladimir Olegovich. 2018. Metodika rassledovaniya transnacionalnoy prestupnoy deyatel'nosti ekstremistskogo haraktera. Moskva: Jurlitinform].
- Даль Владимир Иванович. 1911. Толковый словарь живого великорусского языка. Том третий. П-Р. Санкт-Петербург, Москва: Товарищество Маврикия Осиповича Вольфа. [Dall Vladimir Ivanovich. 1911. Tolkoviy slovar zivogo velikorusskogo yazika. Tom tretiy. P-R. Sankt-Peterburg, Moskva: Tovarishchestvo Mavrikiya Osipovicha Volfa].
- Иванцов Сергей Вячеславович, Узембаева Гульфия Ишбулдовна. 2018. Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Москва: Юрлитинформ. [Ivancov Sergey Vyacheslavovich, Uzembayeva Gulfiya Ishbuldovna. 2018. Protivodeistvie prestupleniyam ekstremistskoy napravlennosti, sovershayemim s ispolzovaniyem sredstv massovoy informacii ili informacionno-telekommunikacionnih setey: ugovolno-pravoviye i kriminologicheskie aspekti. Moskva: Jurlitinform].
- Ожегов Сергей Иванович. 1990. Толковый словарь русского языка. / Под ред. Шведовой Натальи Юльевны. / Москва: Русский язык. [Ozegov Sergey Ivanovich. 1990. Tolkoviy slovar russkogo yazika. / Pod red. Shvedovoy Natalyi Yuryevni. / Moskva: Russikiy yazik].

- Пинкевич Татьяна Валентиновна, Черных Евгения Евгеньевна. 2014. «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: проблемы квалификации». // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД РФ №3: 141-144. [Pinkevich Tatyana Valentinovna, Chernih Yevgeniya Yevgenyevna. 2014. "Publichnie prizivi k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatelnosti ili publichnoe opravdaniye terrorizma: problemi kvalifikacii". // Juridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizegorodskoy akademii MVD RF № 3: 141-144].
- Пудовочкин Юрий Евгеньевич. 2009. Преступления против безопасности государства. Москва: Юрлитинформ. [Pudovochkin Yuriy Yevgenyevuch. 2009. Prestupleniya protiv bezopasnosti gosudarstva. Moskva: Jurlitinform].
- Тарбагаев Алексей Николаевич, Москалев Георгий Леонидович. 2016. «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации». // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право №2: 28-39. [Tarbagayev Aleksey Nikolayevich, Moskalev Georgiy Leonidovich. 2016. "Publichniye prizivi k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatelnosti (st. 205.2 UK RF): problemi ugovovno-pravovoy reglamentacii i kvalifikacii". // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 14. Pravo № 2: 28-39].
- Шибзухов Заурбек Амурбекович. 2011. «Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма, совершенных в соучастии». // Общество и право № 2: 184-187. [Shibzuhov Zaurbek Amurbekovich. 2011. "Problemi kvalifikacii publichnih prizivov k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatelnosti ili publichnogo opravdaniya terrorizma, sovershonnih v souchastvii". // Obshchestvo i pravo, № 2: 184-187].
- Шибзухов Заурбек Амурбекович. 2014. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. Москва: Юрлитинформ. [Shibzuhov Zaurbek Amurbekovich. 2014. Publichniye prizivi k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatelnosti ili publichnoye opravdaniye terrorizma. Moskva: Jurlitinform].
- Шуйский Андрей Сергеевич. 2010. Ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-исправительного права: сборник научных статей. / Под ред. Жевлакова Эдуарда Николаевича. / Москва: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 68-69. [Shuyskiy Andrey Sergeyeovich. 2010. Otvetstvennost za publichniye prizivi k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatelnosti ili publichnoye opravdaniye terrorizma. // Aktualniye problemi ugovovnogo i ugovovno-ispravitelnogo prava: sbornik nauchnih statey. / pod red. Zevlakova Eduarda Nikolayevicha. / Moskva: Akademiya Generalnoy prokuraturi RF, 68-69].
- Additional Protocol to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism. 2015. // Official Journal of the European Union L159/17.
- Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism. 2005. // Official Journal of the European Union L159/3.

- Directive (EU) 2017/541 of the European Parliament and of the Council of 15 March 2017 on combating terrorism and replacing Council Framework Decision 2002/475/JHA and amending Council Decision 2005/671/JHA. 2017. // Official Journal of the European Union L88/6.
- Drošības policija. 2018. Publiskais pārskats par Drošības policijas darbību 2017. gadā. // <http://www.dp.gov.lv/lv/?rt=documents&ac=download&id=32>.
- Grozījumi Krimināllikumā. 2018. // Latvijas Vēstnesis Nr.90.
- Grozījumi Krimināllikumā. 2012. // Latvijas Vēstnesis Nr.202.
- Grozījumi Krimināllikumā. 2007. // Latvijas Vēstnesis Nr.208.
- Grozījumi Krimināllikumā. Likumprojekts Nr.984/Lp12. 2017. // <http://titania.saeima.lv/LIVS12/SaeimaLIVS12.nsf/0/053367BCC6CD02DBC225815D002BA388?OpenDocument#b> (23.07.2018).
- Krastiņš Uldis. 2000. Noziedzīgs nodarījums. Rīga: Tiesu namu aģentūra.
- Krastiņš Uldis, Liholaja Valentija. 2016. Krimināllikuma komentāri. Otrā daļa (IX-XVII nodaļa). Rīga: Tiesu namu aģentūra.
- Krastiņš Uldis, Liholaja Valentija, Niedre Aivars. 2007. Krimināllikuma zinātniski praktiskais komentārs. 1. Vispārīgā daļa. Rīga: AFS.
- Krimināllikums. 1998. // Latvijas Vēstnesis Nr.199/200.
- Kučs Artūrs. 2012. Tiesu prakse krimināllietās par nacionālā, etniskā un rasu naida izraisīšanu. Rīga: Latvijas Republikas Augstākā tiesa.
- Latviešu literārās valodas vārdnīca. 6. sējums, 2. daļa. P – R. 1987. Rīga: Zinātne.
- Latvijas Republikas 12. Saeimas Juridiskā komisijas sēdes protokols Nr. 273. 2018. // [http://titania.saeima.lv/livs/saeimasnotikumi.nsf/0/38320cfcc797cf9dc225822e003380da/\\$FILE/PR_2018_02_13_10_00_JK.doc](http://titania.saeima.lv/livs/saeimasnotikumi.nsf/0/38320cfcc797cf9dc225822e003380da/$FILE/PR_2018_02_13_10_00_JK.doc) (23.07.2018).
- Latvijas Republikas 12. Saeimas Juridiskā komisijas sēdes protokols Nr. 252. 2017. // [http://titania.saeima.lv/livs/saeimasnotikumi.nsf/0/8c6140349414129ac22581cc0035a494/\\$FILE/PR_2017_11_08_10_00_JK.doc](http://titania.saeima.lv/livs/saeimasnotikumi.nsf/0/8c6140349414129ac22581cc0035a494/$FILE/PR_2017_11_08_10_00_JK.doc) (23.07.2018).
- Latvijas Republikas 12. Saeimas Juridiskā komisijas sēdes protokols Nr. 234. 2017. // [http://titania.saeima.lv/livs/saeimasnotikumi.nsf/0/6c6d026c34154258c22581870031689f/\\$FILE/PR_2017_09_06_10_00_JK.doc](http://titania.saeima.lv/livs/saeimasnotikumi.nsf/0/6c6d026c34154258c22581870031689f/$FILE/PR_2017_09_06_10_00_JK.doc) (23.07.2018).
- Latvijas Republikas Iekšlietu ministrijas Informācijas Centrs. Kriminālā statistika. 2018. // <http://www.ic.iem.gov.lv/node/109> (23.07.2018).
- Par Eiropas Padomes Konvenciju par terorisma novēršanu. 2008. // Latvijas Vēstnesis Nr.185.
- Par Papildu protokolu Eiropas Padomes Konvencijai par terorisma novēršanu. 2017. // Latvijas Vēstnesis Nr.104.
- Trejš Ēriks. 2016. Teksta juridiskās ekspertīzes īpašības lietās par naida izraisīšanu. // Socrates, Nr. 1: 46-56.